

СКОЛЬКО ЗНАЧЕНИЙ У ИРОНИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ?

Современные теории вербальной иронии неизбежно сталкиваются с необходимостью ответить на вопрос, как организована семантика иронического высказывания. В статье проводится анализ основных положений существующих моделей понимания семантически и прагматически осложненной коммуникации, примером которой является ирония. В фокусе внимания – теории К. Баха, К. Яшчолт, Р. Карстон, Р. Джиоры и других исследователей. Анализ фрагментов иронического дискурса показывает, что, претендуя на полноту описания, существующие теоретические модели понимания непрямого общения не могут объяснить всех случаев иронии, поскольку не принимают во внимание важную составляющую нашей повседневной когнитивной деятельности – так называемую «наивную логику».

Ключевые слова: модель значения высказывания, непрямоe общение, Принцип Кооперации, вербальная ирония, «наивная логика»

K. M. SHILIKHINA (VORONEZH, RUSSIA). HOW MANY MEANINGS DOES AN IRONIC UTTERANCE HAVE? Modern theories of verbal irony struggle with the question of semantic structure of ironic utterances. The paper presents a brief analysis of several models of indirect utterances understanding with the aim to compare their potential for explaining irony in discourse. In particular, I focus on semantic approaches to the meaning of ironic utterances and on pragmatic theories developed by P. Grice, K. Bach, K. Jaszczolt, R. Carston, and R. Giora. When applied to different samples of real-life ironic communication these theories sometimes fail to explain all kinds of verbal irony. I suggest that this happens because they ignore a very important component of our everyday cognitive activity, namely, the so-called “naïve logic”.

Keywords: model of utterance meaning, indirect communication, Cooperative Principle, verbal irony, “naïve logic”

Вынесенный в заголовок статьи вопрос – один из камней преткновения для любой теории вербальной иронии. Пытаясь дать на него ответ, лингвисты «экономно» используют в качестве иллюстративного материала созданные ими самими высказывания.

В данной работе избран другой подход: обсуждение семантических и прагматических свойств иронии в дискурсе мы начнем с нескольких примеров реальной коммуникации.

(1) *Традиционный киноужин суховатого и утилитарного журнала InStyle в ресторане Cristal Room Vassarat стал самым респектабельным раутом ММКФ. Никита Михалков блеснул, открыл вечер и тут же исчез. Гости уселись на диванчики. Самые красивые молодые актрисы страны были упакованы в выбранные журналом платья* (<http://www.gazeta.ru/column/rynska/3686461.shtml>).

(2) *Ближе к концу выпуска новостей вспомнили о политике. Неизбежный, как победа ГКЧП, Зюганов проводил съезд народных депутатов в Новосибирске. Жириновский жёг сердца людей подле памятника Пушкину в Москве* (<http://www.gazeta.ru/column/taroshchina/3742693.shtml>)

(3) @Иришка неизвестно

Кто дублирует Барбару Брыльска из к/ф «Ирония судьбы». Кроме песни...

@NIKKI DIAVOL

Эх, ты!! Стыдно не знать, что Брыльскую сдублировала Шарон Стоун!!!! (<http://otvet.mail.ru/question/50815318/>)¹

(4) *Вот учитель... учитель каждый раз всё говорит, что нужно делать. Но ведь у нас школа для одаренных детей! Поэтому некоторые делают то, что их никто не просил!* [запись устной речи]

Что объединяет приведённые выше фрагменты? Очевидно, в каждом случае можно отметить «странности» и противоречия как лингвистического, так и нелингвистического характера: в примере (1) – метафорическое описание актрис как неодушевленного упакованного товара, в примере (2) – сочетание прилагательного *неизбежный* с фамилией политика (обычно это прилагательное сочетается с названиями неприятных для человека событий, например, *неизбежный финансовый кризис*). Пример (3) содержит противоречие между утверждением и общеизвестным фактом. Наконец, в примере (4) есть скрытое противоречие между стереотипным представлением о «типичных» одаренных детях, связан-

¹ Орфография оригинала сохранена.

ных с ними ожиданиями родителей и учителей и реальным поведением учеников на уроке. Именно благодаря этим странностям и противоречиям в приведенных выше текстах существует разница между объёмом сказанного и выраженного: во всех случаях говорящие выразили больше, чем сказали. При том, что эти тексты функционируют в различных сферах дискурса, посвящены разнообразной тематике: примеры (1) и (2) – фрагменты публицистических текстов, посвященных светской жизни и вопросам политической истории России, пример (3) – виртуальный диалог пользователей сайта www.mail.ru, пример (4) – выступление учителя на родительском собрании в школе), их общее свойство – наличие того, что принято обозначать термином *вербальная ирония*.

Какие свойства позволяют интерпретировать высказывания и тексты как иронические? Из чего складывается значение иронического высказывания? Эти вопросы являются, пожалуй, наиболее сложными для любой из существующих теорий вербальной иронии. Отметим, что проблема значения иронического высказывания – одна из самых обсуждаемых (Ермакова 2005; Gioga 1997; Carston 2002; Wilson 2006; Attardo 2007). Это неудивительно, поскольку до сих пор исследователи не выработали единого мнения относительно того, из каких компонентов складывается значение иронического высказывания, и в какой последовательности они обрабатываются адресатом.

С одной стороны, проблема значения иронического высказывания является частью общеполитического и семиотического вопроса о том, как соотносятся форма и значение языкового знака. Анализируя соотношение между означаемым и означающим с позиции грамматики, С. Д. Кацнельсон писал: «Асимметрия между планами содержания и выражения в языке часто усложняется настолько, что дуализм языковых планов нарушается, уступая место многослойной структуре с рядом промежуточных образований» (Кацнельсон 1972: 15). Представляется, что это утверждение применимо и к анализу семантической стороны коммуникации: ирония может рассматриваться как результат именно такого усложнения.

С другой стороны, значение не может существовать само по себе, независимо от носителя языка. Поэтому проблема значения высказывания в конечном итоге сводится к проблеме понимания этого значения. Сошлемся на мнение М. Даммета, который прямо

указывает на то, что любая теория значения является, по сути, теорией понимания (Dummett 1993).

Как только носитель языка оказывается включенным в теорию значения, она неизбежно осложняется необходимостью учета условий использования языкового знака. Как следствие, возникает проблема соотношения семантических и прагматических компонентов в структуре значения высказывания / текста.

Ирония – классический случай намеренного семантического сдвига, который может быть интерпретирован как таковой только при определенных прагматических условиях. Поэтому в моделировании значения иронического высказывания отправной точкой может служить как прагматическая, так и семантическая составляющая. В наших дальнейших рассуждениях мы неизбежно коснемся проблемы границ семантики и прагматики применительно к ироническому дискурсу.

Обзор существующих теорий значения (понимания) иронии начнем с моделей, в которых основное внимание уделяется семантике языковых знаков.

1. Семантические подходы к значению иронического высказывания

Формальные семантические модели, изучая значение высказывания в отрыве от говорящего, опираются на принцип композициональности, который в общем виде сводится к следующему: «... интерпретация сложного выражения – это функция интерпретации составляющих его частей и способа их соединения» (Бах 2010: 77). Такой подход оправдан в первую очередь тем, что в центре внимания формальных подходов находится денотативная семантика, кроме того, формально-семантические модели ориентированы на предложения, а не на высказывания, и рассчитаны на объяснение поведения идеального говорящего. Однако в реальной коммуникации речевое поведение людей оказывается гораздо более сложным.

Эта сложность всё же признается сторонниками формально-семантического моделирования. Поэтому проводится более тонкое разделение компонентов значения высказывания на семантические и прагматические на основании их зависимости от контекста: семантическими считаются только те компоненты, которые не зависят от контекста. Прагматическая составляющая высказы-

вания, напротив, является контекстно-зависимой (Higginbotham 2007).

В формальной семантике контекстно-зависимые элементы высказывания остаются за пределами рассмотрения, а для семантических компонентов накладывается ограничение на количество значений, реализуемых в высказывании: любой контекстно-независимый элемент может реализовывать ровно одно значение.

При таких ограничениях применение формальных семантических моделей к анализу иронии оказывается невозможным по двум причинам. Во-первых, ирония – контекстно-зависимый способ коммуникации. Во-вторых, количество значений, которые реализуют отдельные элементы иронического высказывания / текста, не может быть ограничено одним.

Ещё одним примером семантического подхода к проблеме значения иронического высказывания является работа (Bredin 1997). Несмотря на то, что сам Х. Бредин свой подход к иронии считает семантическим, ему не удалось избежать обращения к прагматической составляющей иронической коммуникации.

С точки зрения исследователя, значение высказывания и импликации составляют общий семантический континуум в результате взаимодействия. Только это взаимодействие – не сумма значений, а процесс конкуренции, основанной на контрасте. Именно контраст между значением высказывания и импликацией, по мнению Х. Бредина, является семантическим основанием иронии.

2. Прагматические модели значения иронического высказывания

Говоря об иронии, мы не можем обсуждать её прагматические свойства отдельно от семантических, тем более что вопрос границы между семантикой и прагматикой остается предметом напряжённых дискуссий (Bach 1999; Jaszczolt 2010b).

Причина этих дискуссий – в том, что далеко не все смыслы получают эксплицитное выражение, иными словами, у участников коммуникации всегда есть возможность сказать одно, имея в виду нечто другое. Такой способ общения принято называть непрямой коммуникацией (Чернявская 2006; Дементьев 2006). Изучение механизмов кодирования и понимания скрытых смыслов – одна из важнейших целей лингвистической прагматики. В современных прагматических исследованиях продолжается дискуссия о

том, как устроена непрямая коммуникация. Неудивительно, что для их обозначения лингвисты и философы выработали целый терминологический арсенал: заложенное Грайсом противопоставление эксплицитного значения и имплицатур – предмет активного обсуждения в рамках двух подходов: нео-Грайсовского и пост-Грайсовского (о принципиальных различиях между ними см. Dupel 2009). Дихотомия *эксплицитное – имплицитное значение* была дополнена противопоставлением *первичного и вторичного значений* (Jaszczolt 2005; 2010a). В работах Р. Джиоры развивается другая точка зрения: противопоставление прямого и косвенного значения нивелируется; вместо него предлагается выделять *актуальное значение (salient meaning)*. Очевидно, такое терминологическое разнообразие можно объяснить интуитивно ощущаемой динамичностью исследуемых явлений, их тесной связью с общими знаниями о мире, которыми располагают носители языка, а также многообразием связей высказывания (текста) с контекстом, в котором это высказывание (текст) существует.

Рассматриваемые в данной работе модели – это попытка проанализировать, как лингвисты соотносят логическую форму высказывания, его семантику, намерения говорящего, контекст употребления этого высказывания, а также прагматические последствия, которые влечет за собой высказывание. Анализ прагматических подходов к значению высказывания начнем с краткого обзора классической теории Г. П. Грайса.

2.1. Рациональное поведение как основа прагматической концепции Грайса

То, что Грайс относил иронию к случаям намеренного нарушения Максимы Качества – хорошо известный и широко цитируемый в прагматической литературе факт (Wilson 2006). Действительно, ирония – классический случай, когда те типы значения, которые Грайс обозначил как *значение высказывания* и *значение говорящего*, не совпадают. Однако если внимательно посмотреть на формулировку Максимы Качества – «*Make your contribution as informative as required for the current purposes of exchange*» (Grice 1989), – можно заметить, что понятие информативности оказывается размытым, и нет объективных критериев, на основе которых можно было бы оценить, достаточно ли информативен говорящий в каждой конкретной ситуации.

Обсуждая теорию Грайса применительно к ироническому дискурсу, логично задаться вопросом, как соотносятся вербальная ирония и Принцип Кооперации – основа прагматической модели Грайса? Идеализация данного принципа привела к сужению возможностей его применения для объяснения многих типов речевого поведения, в частности, ирония и юмор на первый взгляд не попадают под действие Принципа Кооперации, так как и в том, и в другом случае нарушаются одна или несколько Максим. На отрицании действия Принципа Кооперации построена Общая теория вербального юмора В. Раскина и С. Аттардо (Attardo 1991). Такая трактовка – результат смешения терминологического и «наивного» понимания кооперативности. По замыслу Грайса, кооперативность – это в первую очередь рациональное коммуникативное поведение. Постулат рациональности – основа современной лингвистической прагматики.

Рациональное поведение участников дискурса предполагает ещё два важных свойства: *интенциональность* и возможность восстановления скрытых смыслов на основе операции логического вывода – *инференции*.

Введение понятия *интенциональность* позволило Грайсу задать противопоставление значения высказывания значению говорящего. Что касается инференции, то именно эта мыслительная операция стала практически единственным объяснением того, как люди понимают имплицатуры.

Теория Грайса стала толчком для развития теоретико-прагматического моделирования непрямо́й коммуникации в целом и отдельных её аспектов. В частности, внимание лингвистов и философов языка сосредоточилось на описании разновидностей скрытых смыслов и связанных с ними типов имплицатур. Небуквальному использованию языка (*non-literal use of language*) была противопоставлена идея неполной семантической определенности высказывания (*semantic underdetermination of utterances*).

Неполная семантическая спецификация высказывания – понятие, с помощью которого исследователи объясняют феномен понимания непрямо́й коммуникации в тех случаях, когда пропозиция выражена не полностью. Считается, что изначально логико-семантическая структура любого предложения является неполной, но она дополняется прагматическими компонентами под влиянием контекста. Дополненное таким образом предложение

приобретает статус высказывания. Восстановление (т. е. логический вывод) полного значения – это как раз и есть та задача, которую решают коммуниканты с помощью инференции.

2.2. Импликатуры и небуквальное использование языка в концепции К. Баха

Идея неполной семантической спецификации высказывания используется в работах К. Баха (Bach 1984, 1994). Философ обращает внимание на тот факт, что прямая коммуникация, при всех её достоинствах, хороша лишь в определенных обстоятельствах (например, при подписании делового соглашения или создании компьютерной программы). В целом, по мнению К. Баха, люди предпочитают нежесткие способы выражения мыслей, оставляя собеседнику возможность додумать недосказанное с помощью инференции. Такое использование языка оказывается гораздо более эффективным (Bach 1994).

Неполная семантическая спецификация требует расширения пропозиции, которая в высказывании существует в минимальной форме. Использование языковых средств в переносном смысле требует инференции другого типа: здесь основной задачей адресата становится восстановление «спрятанной» говорящим пропозиции, а не её расширение.

На идее неполной семантической спецификации высказывания основано различие значения «по умолчанию» и значения, которое выводится на основе сознательных логических рассуждений. С помощью термина «*значение по умолчанию*» объясняются механизмы понимания высказывания в тех случаях, когда для принятия решения человек использует некоторые стереотипные способы рассуждения. «Значительная часть этих рассуждений не является строгой и детальной, скорее они обыденны и обтекаемы, основанные на имплицитных предположениях, проверенных правилах и других логически выводимых упрощениях» (Bach 1984: 38, перевод мой – К. Ш.)¹. Стандартная интерпретация позволяет участникам общения сэкономить усилия и сократить время, необходимое для понимания сказанного.

¹ “Most of that reasoning is not rigorous and detailed but casual and streamlined, relying on implicit assumptions, rules of thumb, and other inferential shortcuts”.

Отказ от значения «по умолчанию» может происходить под влиянием необычного, нетипичного контекста, и тогда адресат восстанавливает имплицированную информацию либо сталкивается с необходимостью интерпретировать случаи небуквального использования языка.

К. Бах различает случаи, когда говорящий произносит нечто и имеет в виду сказанное плюс что-то ещё (это классический случай имплицатуры, когда говорящий произносит высказывание, но имеет в виду нечто другое (это случаи небуквального использования языка, например, ирония и метафоры), и случаи, когда говорящий произносит нечто, но ничего в виду не имеет (например, при произнесении текста наизусть). Нас интересует его специфический взгляд на иронию: «существует большая разница между тем, что сказано и имеется в виду вдобавок и между тем, что имеется в виду вместо сказанного, между непрямой коммуникацией и небуквальным использованием языка... Поскольку имплицатура – это разновидность непрямого речевого акта, в то время как ирония и метафора – это виды небуквального, но прямого речевого акта, последние не должны быть отнесены к классу имплицатур. К сожалению, именно так поступает и Грайс, и многие его оппоненты (Bach 1994: 271)¹. Произнесенное – это основание для интерпретации высказывания «по умолчанию»; кроме того, в сказанном должны быть языковые сигналы для последующей инференции того, что имеет в виду говорящий в добавление к сказанному (имплицатуры) либо вместо сказанного (небуквальное использование языка).

Точка зрения К. Баха является спорной: всегда ли ирония – это замена смысла, или ироническая интенция может быть добавлением, своеобразной «приправой» к сказанному?

Замена смысла – это только случаи прототипической иронии, когда то, что имеет в виду говорящий, противоположно тому, что сказано:

¹ “... there is still a big difference between saying one thing and meaning something else as well as meaning something else instead, between speaking indirectly and speaking nonliterally... Since implicature is a kind of indirect speech act whereas irony and metaphor are species of nonliteral but direct speech act, the latter should not be classified as implicature. Unfortunately, this is done by both Grice and many of his critics”.

(5) *Когда скромный слуга народа пришел в ресторан, он очень расстроился: там парадоксальным образом не оказалось ни одного посетителя. Ему, как истинному демократу, кусок оленины в одиночестве в горло не лез* (<http://www.livejournal.ru/themes/id/22036>).

Пример (5) – случай, когда ирония интерпретируется путем «замены знака»: называя политика скромным слугой народа и истинным демократом, говорящий имеет в виду, что этот человек не является ни тем, ни другим.

Однако в тех случаях, когда иронию нельзя интерпретировать «от противного», она оказывается добавочной информацией к сказанному, как в следующем контексте:

(6) *Оживился зал лишь после того, как Владимир Путин **вознёсся в президиум** к спикеру палаты Борису Грызлову и уступил место на трибуне лидерам фракций, которым по регламенту полагается высказываться относительно работы кабинета* (<http://lenta.ru/articles/2010/04/21/duma/>).

В примере (6) лингвистическим сигналом иронии является не-тривиальное словосочетание *вознёсся в президиум*, причем эта ироническая гипербола не означает «не вознёсся в президиум»; скорее, здесь более уместна интерпретация «поднялся в президиум, подобно божеству». В данном случае читатель текста должен не заменять, а добавлять информацию, опираясь на имеющиеся знания о мире.

Таким образом, выведение иронии из класса импликатур нельзя признать удачным, поскольку такой подход не позволяет объяснить многие случаи иронической коммуникации.

2.3. Актуальное значение (*salient meaning*) в теории Р. Джиоры

В большинстве моделей понимания иронии «значение говорящего» приравнивается к вторичному смыслу, производному от буквального на основе инференции. Для Р. Джиоры такое положение дел далеко не очевидно. Вместо дихотомии «первичное значение» – «вторичное значение» или «значение высказывания» – «значение говорящего» она вводит понятие актуального значения (*salient meaning*), противопоставляя его значению неак-

туальному (*non-salient meaning*). Благодаря этому противопоставлению снимается необходимость границы между прямым и переносным значением: буквальное значение не имеет приоритета перед переносным в процессе обработки высказывания; для носителей языка оказывается более важным степень актуализированности значения в памяти.

Чем определяется актуальность значения слова в каждом конкретном случае? В первую очередь степенью конвенциональности, прототипичностью и частотностью употребления слова в этом значении (Giora 1997; 2003). Конвенциональность определяется семантикой предложения (не высказывания!), т.е. по сути это репрезентация его логической формы. Актуальное значение многозначного слова активируется в оперативной памяти независимо от окружения слова в тексте. Далее начинается процесс согласования значения с контекстом. Если актуальное значение с контекстом не согласуется, оно отвергается в пользу менее актуального, но согласующегося с лексическим окружением (Peleg et al. 2008).

Данная модель удобна для объяснения тех случаев, когда ирония создается преимущественно лексическими средствами, поскольку объясняет, как происходит выбор значения в случае лексической многозначности (на последовательной активации нескольких значений многозначных лексем и согласовании их с контекстом основан юмористический эффект так называемых *garden-path sentences*, см. работу Dynel 2009). В тех случаях, когда ирония не привязана к лексическому уровню, трудно говорить о существовании актуального значения высказывания, аналогичного значению слова.

Ещё одна проблема заключается в том, насколько обоснован отказ от разделения на буквальное и переносное значения. Такое противопоставление представляется важным для носителей языка, ведь даже в повседневной коммуникации, в случае, когда говорящий опасается неправильной интерпретации сказанного, он использует специальные метадискурсивные маркеры «искренней», «добросовестной» коммуникации, например, «я это говорю без всякой иронии», «я это серьёзно».

2.4. Соотношение прагматической и семантической информации в Default Semantics К. Яшчолт

Default Semantics разрабатывается в рамках пост-Грайсовской парадигмы. Важной характеристикой этой теории является сочетание формального подхода с динамическим пониманием значения. Общей чертой Default Semantics и формальных подходов является моделирование ментальных действий идеального говорящего (Model Speaker) и идеального адресата (Model Addressee).

К. Яшчолт исходит из того, что принцип композициональности значения применим не только к уровню предложения (как это делается в формальной семантике), но и к уровню высказывания. Кроме того, высказывание (не предложение!) может быть оценено как истинное или ложное, причем на эту оценку влияют прагматические условия, в которых функционирует высказывание.

Default Semantics представляет наиболее сложную структуру значения высказывания по сравнению с другими прагматическими моделями: значение в ранней версии складывается из нескольких компонентов: значений слов, структуры предложения, осознанной прагматической инференции, интерпретаций «по умолчанию», а также социо-культурных знаний, которыми располагают участники общения (Jaszczolt 2005). Более поздняя версия модели включает модифицированный набор составляющих: в создании значения высказывания участвуют значение слов и структура предложения, ситуация общения, инференциальная система, стереотипные представления об обществе и культуре, общие знания об окружающем мире (Jaszczolt 2010). Таким образом, модель обогащается за счет вневелингвистических компонентов и приобретает большую когнитивную направленность.

Результатом сложения компонентов является так называемая *объединенная репрезентация* (merger representation) – именно она и обладает свойством композициональности. Заметим, что «слияние» всех названных выше компонентов значения в единую репрезентацию снимает проблему разграничения семантики и прагматики как таковую. Помимо этого, объединенная репрезентация позволяет моделировать значение высказывания как одноуровневое: вместо нескольких уровней значения создает один, на котором происходит объединение различных типов информации.

В данной модели нас интересует соотношение двух способов понимания значения высказывания: осознанной прагматической инференции и рассуждения по умолчанию. Логика рассуждения по умолчанию (*default reasoning*) базируется на рациональном поведении и знании о том, как устроен мир. Природа этого компонента значения – исключительно семантическая. Считается, что интерпретация высказывания «по умолчанию» – это основной способ понимания, которым пользуются участники общения, если только контекст не заставляет их отказаться от наиболее очевидной интерпретации в пользу семантически и прагматически более сложных способов понимания (Jaszczolt 2010a). Понимание «по умолчанию» активируется быстрее других способов интерпретации, причем процесс активации идет параллельно с восприятием звучащей речи или чтением текста, поэтому нет необходимости сознательного «додумывания» сказанного или прочитанного. Иными словами, Default Semantics исходит из принципа экономии: понимание высказывания опирается на более экономичные способы там, где это возможно.

Значение «по умолчанию» обладает ещё одним важным свойством – возможностью его замены (*defeasibility/cancellability*) на менее очевидное под влиянием контекста (как лингвистического, так и экстралингвистического). Поскольку адресат (слушающий или читающий) осуществляет инференцию даже при отсутствии необходимой информации, это свойство дает возможность слушающему исправить ошибки в случае неверной интерпретации сказанного.

Что касается прагматической инференции, то она «запускается» под действием контекста, и участвует в создании как первичного значения (*primary meaning*), так и значения вторичного (*secondary meaning*), которое возникает в случае не прямой коммуникации.

К. Яшчолт признает, что на данном этапе развития Default Semantics – это в большей степени теоретический конструкт, чем психологически реальная модель. Её практическое приложение пока осуществляется преимущественно на материале «добросовестной коммуникации». Что касается иронии, то, как будет показано ниже, в ряде случаев трудно провести границу между значением «по умолчанию» и значением, созданным на основе прагматической инференции.

3. Объяснительная сила и «объяснительная слабость» теоретико-прагматических концепций

Выше представлены краткие обзоры некоторых теоретических моделей понимания непрямой коммуникации. Однако даже тот материал, который охвачен рамками данной статьи, приводит нас к вопросу, почему существует такое большое количество моделей понимания значения высказывания. На наш взгляд, это объясняется тем, что ни одна из существующих моделей не обладает достаточной объяснительной силой для описания всех случаев отклонения от коммуникативного идеала.

Проблема приложения описанных выше теоретических моделей к процессу реальной коммуникации (например, к интересующему нас процессу понимания иронии в дискурсе) заключается в следующем: во-первых, «прозрачность» иронической интенции для адресата неодинакова. Степень легкости/трудности понимания иронии в дискурсе отражается в эпитетах, с помощью которых носители языка описывают такое речевое поведение: *явная, нескрываемая, очевидная vs. тонкая, скрытая, едва заметная ирония*:

(7) *Доброе утро! Автомобиль подан! – с едва заметной иронией в голосе доложил водитель-дирижёр.*

(8) – *Мы делом занимаемся, – поддакивает оператор – но с едва уловимой иронией, ёрничая.*

(9) *Либо народу говорят о его непригодности к демократии, либо про демократию повторяют известную фразу Черчилля, что это худшая форма правления, не замечая, что это было сказано с явной иронией.*

(10) *“To think how much our situations really correspond, Emily,” he said with an irony so slight only she would have caught it.*

(11) *Her tone was almost conversational; he could not quite disguise his admiration. But he said with marked irony, “I wonder that you find it mysterious.”*¹

Во-вторых, существуют языковые выражения, для которых ирония является тем самым значением «по умолчанию». Оче-

¹ Русские контексты взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), английские – из Corpus of Contemporary American English (<http://corpus.byu.edu/coca/>)

видно, для интерпретации высказываний, подобных (12), (13), (14) требуется меньше усилий, достаточно пойти по «кратчайшему прагматическому пути»:

(12) *JOHN-ROCA-1Photog: This is going to take a lot of creative power to figure out how to shoot this wedding. Well, boy, if I can get a shot of Chelsea in her gown walking towards me right after the nuptials. ELAINE-QUIJANO: Yeah. Fat chance.*

(13) *Ты же у нас звезда!*

(14) *Я смотрю, ты тут самый правильный!*

Однако в большинстве случаев ирония создается другими способами, степень конвенциональности которых остается предметом дискуссий. Это означает, что установить значение «по умолчанию» для каждого случая и создать таксономию таких значений – задача нетривиальная. Ещё одна трудность – проведение границы между случаями, когда ирония интерпретируется «по умолчанию», и случаями, когда для распознавания иронической интенции говорящего от адресата требуются дополнительные когнитивные усилия.

Подведем некоторые итоги: существующие модели понимания высказывания далеко не всегда справляются с объяснением фактов реальной коммуникации. Происходит это, на наш взгляд, по целому ряду причин. Во-первых, общей проблемой всех семантических и прагматических моделей значения иронического высказывания является пренебрежение так называемой «наивной логикой», т. е. наших представлений о нормальном ходе событий. Эти представления складываются из нашего повседневного опыта, из знания типичных ситуаций и общих принципов, «... с которыми говорящий вынужден считаться...» (Санников 1989: 162). Для описания таких принципов Ю. С. Мартемьяновым и Г. В. Дорофеевым был введен термин «аксиомы действительности» (Мартемьянов 2004). Именно такие принципы «наивной логики» лежат в основе понимания сказанного. Как для языковой категоризации важна «наивная картина мира» (Апресян 1995), так для соотнесения высказывания с действительностью и понимания сказанного необходимо знание того, как устроен окружающий мир.

Выше мы уже говорили о том, что в большинстве моделей инференции отводится ведущая роль в понимании непрямо́й коммуникации (Carston 2002), но инференция – это чисто логический

механизм. В повседневном общении люди также активно используют более экономные способы мышления, основанные на знании жизненных закономерностей.

Попробуем представить себе, как носитель языка понимает ироническую интенцию, слушая следующий диалог:

(15) С. БУНТМАН: Ну, слушай, ведь у нас оказалось. Ведь, 42 года, **40 лет и 2 года** управляет страной Муаммар Каддафи, всякое у него было. Всё нормально, в общем-то. И тут он совершает кошмарную ошибку – он начинает стрелять в свой народ. **Кто бы мог подумать?**

В. УТКИН: Да. Это потрясающее выражение.

С. БУНТМАН: **Кто бы мог подумать?**

В. УТКИН: И я слышал это в эфире у Евгении Марковны Альбац, когда он сказала, что он совершил страшную ошибку, стреляя в свой народ. Полное ощущение, что до этого момента политика Муаммара Каддафи полностью соответствовала.

С. БУНТМАН: Нет, ну, была мелочёвка всякая.

В. УТКИН: Да. Но в целом, в целом! Как-то он управлял. И вдруг он стал стрелять в свой народ, он переродился.

С. БУНТМАН: Нет, раньше просто он стрелял в чужой – он взрывал. Да, тут ещё было откровение. Кто-то там сбежал, очередной министр у него или очередной военачальник, сбежал и сказал: «Каддафи сам отдавал приказ, чтобы самолет взорвать над Локерби». А мы-то думали, это отдал какой-то, я не знаю, там, постовой милиционер из города Бенгази.

Для удобства дальнейшего анализа представим данный диалог в виде последовательности речевых действий и их параллельной интерпретацией.

<i>Речевое действие</i>	<i>Интерпретация</i>
Ну, слушай, ведь у нас оказалось.	введение новой темы для обсуждения
Ведь, 42 года, 40 лет и 2 года	изложение известной информации
	повтор – интертекстуальная отсылка
управляет страной Муам-	продолжение изложения фактов

мар Каддафи, всякое у него было.

Всё нормально, в общем-то. обобщение сказанного

И тут он совершает кошмарную ошибку – он начинает стрелять в свой народ. введение новой информации через противопоставление известной

Кто бы мог подумать?

притворное недоумение по поводу несоответствия известной и новой информации

Да. Это потрясающее выражение. краткий металингвистический комментарий

Кто бы мог подумать?

повторный риторический вопрос

И я слышал это в эфире у Евгении Марковны Альбац, когда он сказала, что он совершил страшную ошибку, стреляя в свой народ. развернутый металингвистический комментарий

Полное ощущение, что до этого момента политика Муаммара Каддафи полностью соответствовала. указание на несоответствие лексических средств объекту референции

Нет, ну, была мелочёвка всякая. уступка

Да. Но в целом, в целом! Как-то он управлял. противопоставление отдельных событий регулярной деятельности

И вдруг он стал стрелять в свой народ, он переродился. противопоставление действия обычному ходу событий

Нет, раньше просто он стрелял в чужой – он взрывал. объяснение, представление ненормального действия как типичного

Да, тут ещё было от- метапрагматический коммента-

кровение.	рий речевых действий третьего лица	
<i>Кто-то там сбежал, очередной министр у него или очередной военачальник, сбежал и сказал:</i>	дополнительная информация	(новая)
<i>«Каддафи сам отдавал приказ, чтобы самолет взорвать над Локерби».</i>	цитата	
<i>А мы-то думали, это отдал какой-то, я не знаю, там, постовой милиционер из города Бенгази.</i>	противопоставление известного ранее и нового; выражение недоумения через притворную наивность	

Где в приведенном диалоге можно обнаружить источники иронии?

Первый источник – сама организация диалога. В его начале собеседники действуют параллельно: один «ведет информационную линию», второй – делает металингвистические комментарии до фразы *«Да. Но в целом, в целом! Как-то он управлял»*. Далее диалог строится на постоянном нарушении границы между нормой и ненормальным ходом событий, и это не позволяет интерпретировать сказанное буквально, заставляет искать другое объяснение такому речевому поведению участников диалога.

Диалог содержит несколько лингвистических сигналов иронии. К ним, относятся не только риторические вопросы, но и уподобление политика сказочным персонажам с помощью реплики *40 лет и 2 года*, а также номинации *мелочёвка всякая, откровение*.

Ещё один пример – диалог (16), в котором двое участников (В и С) обсуждают грядущую проверку с тем, кто эту проверку уже прошел (А):

- (16) А – *И ещё спрашивали, типа, как вы узнали об аудите.*
В – *А, ну эт как всегда.*
С – *Ну у нас есть эта бумажка из деканата?*
В – *А ещё по Первому каналу передавали, что аудит будет...* (смех)

Какие речевые действия совершают участники этого диалога? Говорящий А сообщает информацию о том, какие вопросы задавал проверяющий. После сообщения А второй собеседник (В) показывает, что эта информация не является абсолютно новой. Вопрос третьего участника диалога (С) – это серьезная реакция на сообщение А, поскольку С предлагает вариант «правильного ответа» на потенциальный вопрос проверяющего. Далее участник В предлагает альтернативный вариант ответа на потенциальный вопрос проверяющего, в котором сообщается заведомо невероятная информация. Между двумя событиями – проверкой делопроизводства на кафедре и сообщением центрального телеканала – возникают отношения некогерентности, поскольку известно, что «обычно центральный телеканал транслирует информацию, важную для большей части населения страны».

Поскольку в норме мы ожидаем от общения связности (Gioga 2011), высказывание участника С, внешне противоречащее этим ожиданиям, оказывается маркированным: чтобы снова диалог стал когерентным, необходимо найти объяснение такому речевому действию. Этим объяснением становится ирония: преувеличивая значимость информации о проверке, говорящий на самом деле оценивает это событие как абсурд.

Вернемся к вопросу, вынесенному в заголовок статьи. Сколько значений имеет ироническое высказывание? Для ответа на вопрос нам снова потребуется понятие когерентности. На наш взгляд, этих значений два: буквальное и собственно ироническое. Буквальное необходимо для обнаружения некогерентности, ироническое – для того, чтобы восстановить связность дискурса, найти объяснение внешне странным действиям говорящего.

4. Заключение

В своей работе мы исходили из того, что в норме речевые действия людей – это пример рационального поведения. Отступление от рациональности в общении (например, в виде не прямой коммуникации) – это также значимое поведение, позволяющее передавать дополнительную информацию, так называемые скрытые смыслы.

Теоретико-прагматическое моделирование, хотя и сосредоточено на изучении не прямой коммуникации, пока не дает удовлетворительного ответа на вопрос о том, как происходит понимание

иронического высказывания. Гораздо более информативным оказывается включение в модель когнитивной составляющей: наше желание воспринимать сказанное или написанное как когерентный текст в случае намеренного нарушения когерентности заставляет нас искать дополнительный смысл. Когерентность как характеристика дискурса определяется не прагматическими, а когнитивными принципами, т. е. не столько нашим умением рассуждать логически и использовать инференцию, сколько нашим «наивным» жизненным опытом («аксиомами действительности»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
2. Бах, Э. Неформальные лекции по формальной семантике. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 224 с.
3. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
4. Ермакова, О. П. Ирония и её роль в жизни языка. – Калуга, КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – 204 с.
5. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Ленинград: Наука, 1972. – 216 с.
6. Мартемьянов, Ю. С. Опыт терминологизации общелитературной лексики (о мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко) / Ю. С. Мартемьянов, Г. В. Дорофеев // Ю. С. Мартемьянов. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 808 – 869.
7. Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. – М.: Наука, 1989. – 267 с.
8. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
9. Attardo, S. Script Theory Revis(it)ed: Joke Similarity and Joke Representational Model / S. Attardo, V. Raskin // Humor. – 1991. – № 4. – Pp. 293-348.
10. Attardo, S. Irony as Relevant Inappropriateness // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. – New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – Pp. 135-172.
11. Bach, K. Default Reasoning: Jumping to Conclusions and Knowing When to Think Twice // Pacific Philosophical Quarterly. – 1984. – № 65. – Pp. 37-58.

12. Bach, K. *Semantic Slack: What is said and More* // *Foundations of Speech Act Theory* / Ed. by L. Tsohatzidis. – London: Routledge, 1994. – P. 267-291.
13. Bach, K. *The Semantics-Pragmatics Distinction: What Is It and Why It Matters.* // *The Semantics/Pragmatics Interface from Different Points of View* / Ed. by K. Turner. – Oxford: Elsevier Science, 1999. – Pp. 65-84.
14. Bredin, H. *The Semantic Structure of Verbal Irony* // *Journal of Literary Semantics.* – 1997. – Vol. 26, No. 1. – Pp. 1-20.
15. Carston, R. *Thoughts and Utterances* / R. Carston. – Wiley-Blackwell, 2002. – 418 p.
16. Dummett, M. *What Is a Theory of Meaning?* // M. Dummett. *The Seas of Language.* – Oxford University Press, 1993. – Pp. 1-93.
17. Dynel, M. *Humorous Garden-Paths: A Pragmatic-Cognitive Study.* – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar Publishing, 2009. – 310 p.
18. Giora, R. *Understanding Figurative and Literal Language: The Graded Salience Hypothesis* // *Cognitive Linguistics.* – 1997. – № 8. – Pp. 183-206.
19. Giora, R. *On Our Mind: Salience, Context, and Figurative Language.* – NY: Oxford University Press, 2003. – 260 p.
20. Giora, R. *Coherence of non-narrative discourse* // *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics* / Ed. by G. Khan. – Boston: Brill USA, 2011.
21. Grice, H. P. *Studies in a Way of Words.* – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. – 394 p.
22. Higginbotham, J. *Remarks on Compositionality* // *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces* / Ed. by G. Ramchand, C. Reiss. Oxford: Oxford University Press, 2007. – Pp. 425-444.
23. Jaszczolt, K. *Default Semantics: Foundations of a Compositional Theory of Acts of Communication.* – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 300 p.
24. Jaszczolt, K. *Default Semantics* // *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis* / Ed. by B. Heine, H. Narrog. – New York: Oxford University Press, 2010(a). – Pp. 193-222.
25. Jaszczolt, K. *Semantics-Pragmatics Interface* // *The Routledge Pragmatics Encyclopedia* / Ed. by L. Cummings. – London: Routledge, 2010(b). – Pp. 458-462.

26. Peleg, O. Resisting Contextual Information: You Can't Put a Salient Meaning Down / O. Peleg, R. Giora, O. Fein // *Łódź Papers in Pragmatics: Special Issue on Humor*. – 2008. – No. 4. – Pp. 13-44.

27. Wilson, D. The Pragmatics of Verbal Irony: Echo or Pretence? // *Lingua*. – 2006. – № 116. – Pp. 1722-1743.

ИСТОЧНИКИ

1. Загорец, Я. День сурка. URL: <http://lenta.ru/articles/2010/04/21/duma/> (дата обращения: 10.12.2011).

2. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru

3. Программа «Русский бомбардир» с В. Уткиным и С. Бунтманом. URL: <http://echo.msk.ru/programs/razvorot-evening/752682-echo/> (дата обращения: 10.12.2011).

4. Рынска, Б. ММКФ утратил глянец. URL: <http://www.gazeta.ru/column/rynska/3686461.shtml> (дата обращения: 10.12.2011).

5. Тарошина, С. Телевидение счастья и амнезии. URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3742693.shtml> (дата обращения: 10.12.2011).

6. Ужин Путина, или День, когда Москва остановилась. URL: <http://www.livejournal.ru/themes/id/22036> (дата обращения: 10.12.2011).

7. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 10.09.2011).

Ксения Михайловна Шилихина
Воронежский государственный университет
пл. Ленина, 10-15, Воронеж, 394006
Российская Федерация
shilikhina@gmail.com

Ksenia M. Shilikhina
Voronezh State University
pl. Lenina 10-15, Voronezh, 394006
Russian Federation
phone: +7 (473) 222 41 49